

**Отзыв официального оппонента – доктора исторических наук,
профессора кафедры всеобщей истории Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского Антона Вадимовича Свешникова о
диссертации Виталия Витальевича Тихонова «Советская историческая
наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала
1950-х годов», представленной на соискание ученой степени доктора
исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования**

Совершенно очевидно, что одной из важнейших задач, стоящих перед отечественной исторической наукой на современном этапе развития, является осмысление советского периода истории нашей страны. Периода, который на протяжении нескольких последних десятилетий неизменно вызывает интерес и бурные общественные дискуссии, выходящие далеко за пределы профессиональной историографии. В определенном смысле можно сказать о том, что «споры о Сталине» - это, по сути, споры о современной России, и в этом плане необходимость научного осмысления этого периода отечественной истории представляется особенно актуальной.

Но это означает, что исторической науке для выполнения этой задачи необходимо разобраться и с самой собой, понять насколько она, наличная отечественная историография, связана со «сталинским» временем. И в этом плане рефлексивная функция истории исторической науки как дисциплины в рамках общей системы научного изучения прошлого выходит на первый план. Такая рефлексия оказывается необходима по большому счету для того, чтобы историческая наука могла выполнить свою общественную миссию.

В силу этого, процессы, протекавшие в советской исторической науке совершенно естественно привлекают к себе сейчас все большее внимание. О значимости изучения советской исторической науки послевоенного десятилетия свидетельствует внимание к ней современной историографии, в

частности появление работ А.М. Дубровского, А.Л. Юрганова, А.В. Гордона, С.Б. Криха. Таким образом, актуальность и общественная значимость темы диссертационного исследования В.В. Тихонова не вызывает никаких сомнений.

Новизна данного исследования определяется в первую очередь тем, что автор сосредоточился в своем исследовании на изучении хода и влияния на историческую науку так называемых масштабных идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия. И непосредственно под таким углом зрения эти процессы в целом рассматриваются в историографии впервые, что свидетельствует о важности темы исследования В.В. Тихонова.

Диссертация В.В. Тихонова состоит из введения, семи глав основной части, заключения и списка использованных источников и литературы.

Во введение автор обосновывает свое понимание актуальности и новизны темы исследования, дает характеристику степени изученности темы, методологической и источниковой базы исследования, определяет его объект, предмет, цели и задачи, формулирует положения, выносимые на защиту. Все это сделано убедительно, на достаточно высоком профессиональном уровне. Особо тщательным и продуманным представляются обзор степени изученности темы (стр. 9 – 28), источниковедческий обзор (стр. 28 – 34) и характеристика методологической базы исследования (стр. 34 – 45). В рамках последней автору, как представляется, удалось обосновать свою оригинальную методологическую стратегию на основании синтеза отдельных элементов социальной истории науки, неоинституционального и антропологического подхода в изучении истории науки. В результате этого автор действительно получает инструментарий, позволяющий осуществить анализ научного сообщества профессиональных историков как сложноорганизованной гетерогенной корпорации, пронизанной разнонаправленными формальными и неформальными коммуникативными сетями и обладающей определенной (хотя и сравнительно небольшой) степенью автономии. Значимая уже сама

по себе эта теоритическая модель становится в дальнейшем основой исследования В.В. Тихонова при обращении к конкретно-историческим реалиям.

Диссертационное исследование В.В. Тихонова строится на основании анализа различных типов источников. К ним относятся делопроизводственная документация (например, стенограммы заседаний), источники личного происхождения (письма, дневники и воспоминания историков), публикации различных периодических изданий и собственно академические историографические тексты различных жанров (монографии, научные статьи, рецензии, учебные пособия и научно-популярные работы). При этом автор использует как уже опубликованные тексты, так и архивные материалы, многие из которых впервые введены им в научный оборот. В частности, им использованы документы из Архива Российской академии наук, Научного архива Института российской истории, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива социально-политической истории и других. Данная источниковая база представляется вполне репрезентативной для решения поставленных задач.

Первая глава диссертации В.В. Тихонова явно носит вводный, предварительный характер. С одной стороны, в ней автор конструирует различные значимые на его взгляд для анализа послевоенной советской историографии исторические, социальные, культурные и интеллектуальные контексты. К ним относятся, например, общие тренды трансформации советской культуры в первое послевоенное десятилетие, основные тенденции функционирования и трансформации профессионального сообщества советских историков в предвоенный и военный периоды, функции исторической науки в системе советской политической культуры и идеологии, конструирование механизма формирования лояльности профессиональных историков, внутренняя структура профессионального сообщества историков, взаимоотношение академических историков и

политической элиты. А с другой стороны, автор как бы продолжает конструировать методологию своего исследования, вводя такие понятия как «семиосфера», «мифология» и «патронаж». Некоторые из этих понятий (правда, далеко не все) будут использованы в качестве базовых, когда автор обратится непосредственно к анализу материала. Отдельные положения этой главы производят достаточно сильное впечатление и являются несомненной удачей автора как в общем контексте работы, так и сами по себе. На мой взгляд, особый интерес представляет постановка проблемы функционирования патронажных связей в структуре научных и властно-научных отношений, а также реконструкция неформальных социальных сетей как значимого механизма функционирования профессионального научного сообщества. Конечно, данную реконструкцию можно было фундировать теоретически, обратившись к теории социальных сетей, но в целом полученный В.В. Тихоновым результат, представляет весьма «свежим» и любопытным. Работая с этой темой, автор, безусловно, выступает в качестве новатора. При этом некоторые положения этой главы нуждаются, на наш взгляд, в более обстоятельной содержательной проработке. Так, на стр. 74 автор вводит понятие «советская мифология», которое в последующем тексте будет использоваться как «объясняющее» на уровне предельных оснований. Но при этом содержание самого понятие четко не определено, и порой возникает ощущение, что оно само используется в работе мифологически, т. е. без должной рефлексии. Автор объясняет через то, что само не объяснено. Некоторые суждения авторы, высказанные в этой главе, отдают не совсем уместной в данном случае публицистичностью. На стр. 87 автор говорит о том, «внешний вид» академика А.М. Панкратовой («перед нами коренастая фигура и простое лицо рабочей или колхозницы») «сыграл роль» в ее успешной карьере. Панкратова, если позволить себе неpolitкорректное высказывание, конечно, красотой не отличалась, здесь автор абсолютно прав, но для обоснования этого положения в научной работе, безусловно, требуется более тонкий

инструментарий с элементами гендерного анализа. Советская культура создала свой канон красоты, который при этом постоянно менялся (и это явно не Панкратова), но успешные академические карьеры коррелировали с ним очень косвенно и опосредованно. Достаточно вспомнить «старорежимную красавицу» Т.С. Пассек, академическая карьера которой была вполне успешной. Подобное высказывание было бы вполне уместно в тексте другого жанра, а для диссертации оно не кажется подходящим. И оно не единственный пример «публицистичности». Можно сказать, что это недостатки стиля, но это стиль, который уже влияет на «содержание». Однако, в целом же безусловно следует признать, что несмотря на отдельные недостатки, первая глава диссертации успешно решает стоящие перед ней в общем контексте исследования задачи.

Вторая глава, достаточно небольшая по объему, посвящена анализу идеологических процессов, протекавших в советской исторической науке в послевоенные годы накануне больших идеологических кампаний. Рассматривая эти процессы в качестве пролога или прелюдии последующих потрясений, автор относит к ним, в частности, «дело Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина», которое, по его мнению оказалось «во многом переломным для советской интеллектуальной жизни послевоенных лет». В.В. Тихонов очень обстоятельно и подробно реконструирует тот резонанс, который вызвало этой «дело» в среде профессиональных историков Москвы, в первую очередь в стенах Института истории АН СССР, и с его утверждением, безусловно, следует согласиться. Именно в рамках этого процесса была «обкатаны» получившие впоследствии масштабные формы механизмы идеологических кампаний. Хотя и в этой главе встречаются публицистические по стилю суждения. Например, на стр. 163 автор пишет о неприязненном отношении к интеллигенции, распространенном в советском обществе. Возможно, это и так, но жанр диссертации требует, что это утверждение было обоснованно (хотя бы отсылкой к научной литературе, проработавшей этот сюжет),

доказано и, в идеале, проанализировано. В тексте же это подается как очевидность.

Безусловно, центральной место в диссертационном исследовании В.В. Тихонова принадлежит третьей и четвертой главам. Они собственно и посвящены большим идеологическим кампаниям, кампании по борьбе «с буржуазным объективизмом» и кампании по борьбе «с безродным космополитизмом» соответственно. Автор считает, что эти кампании можно «развести» в качестве самостоятельных объектов рассмотрения, хотя, на наш взгляд, в ходе их проведения, особенно в провинции, имели место различные наложения и пересечения. В целом, структурно «большие главы» очень похожи. В основе их лежит хронологический нарратив, дополненный структурным анализом. В.В. Тихонов начинает с реконструкции «старта» кампании, очень подробно и обстоятельно реконструирует их ход, а затем переходит непосредственно к анализу структурно значимых компонентов. Автор весьма тщательно и в целом убедительно реконструирует протекание кампаний в различных вузах и академических учреждениях Москвы и Ленинграда, опираясь в значительной степени на впервые вводимые в научных оборот архивные материалы, в первую очередь стенограммы различных официальных мероприятий (общих собраний, заседаний кафедр и т.п.). Правда, иногда у читателя возникает ощущение, что автор чересчур увлекается банальным «пересказом» стенограмм, и по отношению к конкретным документам (например, опубликованной стенограмме заседания сектора истории средних веков Института истории) это выглядит не совсем уместно, но зато благодаря этому и сама реконструкция и последующий анализ выглядят весьма и весьма обоснованными.

Любой последовательно реализованный нарратив строится и функционирует по своим правилам. Согласно им в тексте должны присутствовать наделенные различными функциями персонажи, герои и их враги. Мы знаем различные нарративные версии истории советской исторической науки, в каждой из которых присутствует свой набор жертв,

героев и злодеев. Такова логика нарратива. У В.В. Тихонова главным злодеем оказывается А.Л. Сидоров. В оценке автора это прагматичный карьерист, всеми способами стремящийся к вершине академической иерархии и сыгравший в силу этого в идеологических кампаниях однозначно негативную роль «главного погромщика». Представляется, что, говоря словами другого персонажа текста, «все было гораздо сложнее», и увлекшись логикой нарратива, В.В. Тихонов, слегка «переборщил» с черными красками, рассматривая деятельность этого крупного исследователя, оставившего значительный след в истории отечественной исторической науки. Возможно, конечно, я не прав, но в любом случае, здесь нужен отдельный самостоятельный разговор.

В последнее время, как уже говорилось, исследователи истории советской исторической науки достаточно часто обращаются к изучению отдельных сюжетов, связанных с эпохой идеологических кампаний, но В.В. Тихонову удалось не просто реконструировать общий ход кампаний, но и выявить отдельные значимые сюжеты (например, ситуации со сборником научным статей «Труды по новой и новейшей истории» или празднованием в 1948 году юбилея «Краткого курса истории ВКП (б)»), которые ускользали от внимания его предшественников.

Аналитический блок помещен автором в завершение пятой главы, что представляется вполне логичным. В нем В.В. Тихонов исследует восприятие кампаний современниками, механизм проведения «погромных» собраний, предлагает свою классификацию социальных ролей задействованных в них историков и анализирует образ идеологических кампаний в корпоративной памяти отечественных историков вплоть до современности. Проведенный в этой части анализ, безусловно, имеет авторский и новаторский характер. Иногда, правда, хотелось, чтобы он был сделан более обстоятельно и «тонко», но видимо, это перспектива дальнейших более частных исследований, направление которых задает работа проделанная В.В. Тихоновым. На мой взгляд, с точки зрения современных тенденций развития

историографии наиболее симпатичным фрагментом аналитики является попытка реконструкции «внутренней субъективности советского историка». Автор совершенно прав, обращаясь при этом к эго-документам, однако по его мнению, единственным текстом, позволяющим «сделать заход» в этом направлении являются дневники С.С. Дмитриева. Анализ данных дневников с этой точки зрения проведен В.В. Тихоновым очень тонко, но вызывает целый ряд вопросов. С одной стороны, насколько этот источник является репрезентативным, т.е. насколько эти дневники доказательны и «исповедальны»? А с другой стороны, что мы собственно анализируем: риторику, дискурс, внетекстовую «реальность сознания», отражаемую или конструируемую дискурсом? Но это уже вопросы для дальнейшей дискуссии.

По отношению к рассмотренным выше главам последующие (с пятой по седьмую) явно носят дополнительный характер, уточняя и вводя новые нюансы и детали. Они посвящены идеологическим дискуссиям начала 1950-х, которые автор принципиально отделяет от идеологических кампаний, «личностному измерению», говоря словами автора, хода кампаний и их последствий и прочим сюжетам. Оценивая их, видимо, стоит признать, что разнообразие тематики, даже мозаичность, совпадает с разнообразием уровня исследовательской проработки. Кажется, что на некоторые сюжеты, в частности, на рассмотрение дискуссий у автора просто «не хватило сил». Они, например, дискуссия по вопросам языкознания, явно заслуживали большего внимания. Вызывает сомнение и то, как в тексте работы В.В. Тихонова представлено само марровское «новое учение о языке». С другой стороны, на страницах этих глав мы встречаемся и с несомненными исследовательскими удачами. Таковыми, на наш взгляд, являются, например, анализ роли «маленького человека» (с точки зрения статуса в академической иерархии) в идеологических дискуссиях советских историков, сюжет о «боях за Крым» и, конечно, анализ механизма функционирования такого инструмента управления наукой как Сталинских премий. Последний сюжет –

своего рода шедевр (в средневековом смысле слова), который удался В.В. Тихонову, с чем его можно поздравить.

Выводы по основным разделам диссертации и заключение являются ясным итогом изложенного материала. В работе последовательно проведен целостный анализ хода идеологических кампаний конца 1940-х годов и выявлено их значение для исторической науки. При этом просматриваются очевидные перспективы дальнейших исследований в области как в области изучения советской историографии в частности, так и в изучении истории отечественной исторической науки в целом. Если рассматривать историографическое исследование как форму рефлексии профессионального сообщества (а оно таковым, безусловно, является), то особенно ценным представляется обоснованный вывод автора о том, что именно в первое послевоенное десятилетие во многом сформировались устойчивые элементы того образа прошлого, который до сих пор сохраняет в силу различных причин свою актуальность, причем не только для профессиональных историков.

Таким образом, анализ диссертационной работы В.В. Тихонова свидетельствует о ее целостности и завершенности и о значительном авторском вкладе в разработку актуальных проблем изучения истории отечественной исторической науки. Общие выводы работы представляются весьма достоверными.

При этом, однако, учитывая квалификационный характер работы, следует, признавая ее общий высокий профессиональный уровень, обратить внимание на отдельные недочеты, скажем так, оформления. В работе встречаются повторы, есть опечатки (например, на стр. 488 археолог С.В. Киселев назван «М.В. Киселевым») и неточности. Так, на стр. 237 С.П. Шестаков назван «классиком византиноведения», а на стр. 483 А.Д. Удальцов «археологом», с чем вряд ли можно согласиться. На стр. 329 утверждается, правда, с оговоркой, что «германисты» - это «поклонники, немецкой науки», в то время как это сторонники определенной концепции генезиса феодализма

в Западной Европе. Неочевидной представляется и двойная система сносок. Но, как уже говорилось, эти недостатки не снижают общего положительного впечатления от работы.

Автореферат диссертации и публикации автора по теме исследования, наиболее значимые из которых включены в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научной степени доктора и кандидата наук, адекватно отражают содержание диссертации.

Таким образом, подводя итоги сказанному выше, следует признать, что диссертационное исследование «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов» соответствует всем требованиям пп. 9 – 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 № 842 (в редакции от 28.08.2017), а ее автор, Виталий Витальевич Тихонов, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент

профессор кафедры всеобщей истории

федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования

«Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского» (644077, г. Омск, пр. Мира, 55а;

(3812) 67-01-04; rector@omsu.ru; <http://www.omsu.ru>),

доктор исторических наук (специальность 07.00.09 –

Историография, источниковедение

и методы исторического исследования)

12.09.2018

А. В. Свешников

А. В. Свешников
 Подпись
 Ученый секретарь Ученого совета
Л.И. Ковалевская
 12.09.18

Адрес и место работы:

ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского»

644077, г. Омск, пр. Мира 55а,

тел. раб. (3812) 22-98-00,

E-mail: wolrdhistory2002@mail.ru